

Буряк В.В

ЛАБИРИНТ КАК МЕТАФОРА WORLD WIDE WEB

1. Структура лабиринта / лабиринт как структура: оптика Х.Л. Борхеса.

Гениальная прозорливость Хорхе Луиса Борхеса, редкостный пророческий дар ещё раз дали себя знать в конце XX века, когда из личинки ARPANET, мультиплицируясь и стремительно разветвляясь, выпорхнула Matrix (она же Web, Net, Internet) [7]. Во многих своих философских притчах, энигматизирующих ключевые проблемы культуры, Борхес создавал эскизы, проекты будущего, развёртывающиеся из культурных архетипов прошлого, показывая при этом удручающую, но неизбежную сериальность событий, патологию размножения всех и вся. Метафорами этого приумножения/переумножения для него всегда были «совокупление и зеркала», ведущие к «утрате середины», «центра», «логоса». Другими ключевыми метафорами в произведениях «Библиотекаря из Буэнос-Айреса» были «лабиринт» и «книга».

В определённых интервалах все эти фундаментальные философемы накладываются друг на друга, или, во всяком случае, пересекаются. Используя их символическую структуру, подбирая «коды» прочтения, можно успешно «читать» настоящее и будущее Сети, чьё рождение и стремительный кинестезис мы наблюдаем как очевидцы и участвуем в этой событийности как «юзеры».

«Лабиринт» рассмотрим как онтологическую метафору, «совокупление и зеркала» как динамическую метафору, а «книгу» как эссенциальную метафору Сети. Эти базовые метафоры есть одновременно и эйдосы культуры, порождающие модели, парадигмы конституирования постсовременности. Согласно Платону, идея, или эйдос, это есть парадигма (paradeigma) всякой вещи. В качестве эйдоса культуры и лабиринт, и зеркала/совокупления, и книга первоначально наделялись магическим смыслом (и это отражено во многочисленных мифах), что, собственно, и указывает на их эйдетическую природу. Эйдосы постоянно индуцируют культурные смыслы на символическом уровне с импликациями на уровне знаков и артефактов, поэтому постижение смыслов предполагает «восхождение» от вещей к эйдосам, которые в определённой мере могут быть конвертированы друг в друга, усиливая и актуализируя культурно-историческую событийность.

Лабиринт есть метафора книги со всеми ее смысловыми разветвлениями, а книга – метафора лабиринта. Стены лабиринта, мимо которых блуждающий проходит, дважды, трижды метафоризированы как совокупление и зеркальные отражения одного и того же маршрута, символизируя «вечное возвращение». Смыслы книжного текста (да и любого другого), взаимоотражаясь и резонируя относительно друг друга, могут быть схвачены также метафорой совокупления и зеркального отражения. Поэтому, интерпретируя что-либо посредством одной метафоры, мы свободно можем усилить герменевтический эффект, доводя интерпретацию до уровня смысловой «голограммы», если в этом возникнет необходимость. Наш тезис заключается в том, что задолго до физического существования World Wide Web Борхес «узрел» и в философско-символической форме эксплицировал эйдос Сети, его стратегии и его aesthesis.

Номинально метафора лабиринта присутствует в таких работах аргентинского мыслителя как «Абенхакан эль Бохари, погибший в своём лабиринте» и стихотворении «Лабиринт». Реально, начало каждого рассказа, эссе, стихотворения – это входение в Лабиринт, и этот вход подобен «порталу» в web-терминологии. Другие названия лабиринта – Вечность и Бесконечность. Напрашивается достаточно прозрачное сравнение Internet с гигантским лабиринтом, чьи «коридоры», структурированные «гиперссылками», напоминают «Сад расходящихся тропок» или структуру «Вавилонской библиотеки» с её бесконечными галереями.

Находясь в пограничной ситуации между Жизнью и Смертью, главный персонаж «Сада расходящихся тропок» ощущает себя словно в Лабиринте: «Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее и грядущее и каким-то чудом вмещал всю Вселенную... потеряв ощущение времени, почувствовал себя самым сознанием мира». [1, с. 88] Каждый, кто входил в Сеть и занимался «сёрфингом», перелистывая страницы бесконечной книги гипертекста с её почти миллиардным количеством документов, не может избавиться от ощущения всемогущества («куда хочу, туда пойду») и одновременно беспомощности (огромное количество степеней свободы, но жизнь одна, и она, увы, не бесконечна), как всех книг не перечитать, так и все сайты, форумы и чаты не посетить.

Фактически метафору Сети можно обнаружить почти в любом тексте Борхеса. Возьмём, например, стихотворение «Everness»:

«Любая вещь останется нетленной
В кристалле этой памяти – вселенной,
Где мыслимы любые расстоянья.
Ты здесь бредёшь по долгим коридорам,
Не знающим предела. За которым
Увидишь Архетипы и Сиянья» [2, с.315]

По сути, это есть развернутое поэтико-метафорическое описание топологии World Wide Web. Футурация этой развёрнутой метафоры однозначно приводит нас к онтологическому измерению Интернет. Ретроспекцией

её являются метафизика неоплатонизма, зонология гностицизма и Древо Сефирот Каббалы, при том условии, что онтологический принцип иерархичности бытия вышеперечисленных философских традиций мы выносим за скобки, оставляя в качестве графической схемы разветвлённость и взаимодополнительность сложно структурированных систем/сетей, будь то «капиллярная» система эманаций to proton Плотина, линейная проекция трёхсот шестидесяти пяти эонов гностика Василида или деривационная структура «коридоров», тунелизирующих высокие энергии и кванты знаний каббалистического древа.

2. Лабиринт как эйдос культуры: символические ретроспекции.

На эйдотическую природу Лабиринта указывает то, что уже в архаических культурах он символизировал энигматическую (англ. *enigma* – «загадка») сторону человеческого бытия. Это был не просто знак, один из знаков, но существовали реальные сооружения, моделирующие определённые онтологические, непостижимые для обыденного рассудка, структуры.

Как пишет известный испанский исследователь в области симвонологии Хуан Керлот, лабиринт - это изначально архитектурное сооружение, «сконструированное таким образом, что однажды попав в него, невозможно или очень трудно выбраться обратно». [4, с.282] Причём это не всегда и не обязательно здание, иногда это сад или парк, структурированный особым образом. Лабиринт как символ имеет достаточно мощную магико-религиозную, эзотерическую коннотацию, при этом масштабы интерпретации «лабиринтозности» бытия могли быть расширены до всего звёздного неба, либо до гео-хтонических систем. «В доисторические времена пещера, – пишет М. Элиаде – часто напоминающая или обрядово превращённая в лабиринт, служила одновременно сценой для инициации и местом захоронения умерших. Лабиринт, в свою очередь, приравнивался к телу Матери-Земли. Войти в лабиринт или пещеру было равнозначно мистическому возврату к Матери – а это цель, преследуемая обрядами инициации». [6, с.197]

Традиция использования лабиринта в качестве эйдоса культуры продолжается и в более поздние, пост-архаические времена. «В древних писаниях упоминаются пять великих лабиринтов: Египетский, расположенный, по Плинию, под озером Моэрис, два Великих лабиринта в Кноссе и Гортине, греческий на острове Лемнос и этрусский в Клузиуме». [4, с.282] Достаточно ясной интерпретации лабиринта до сих пор не существует. Можно привести лишь краткий их список по Х. Керлоту: «некоторые лабиринты служат для того, чтобы заманить в них дьяволов, которые никогда не выберутся оттуда», «некоторые круго- или эллипсоидные лабиринты на доисторических изображениях следует рассматривать как диаграммы неба», «падение» в неоплатоническом толковании, и вытекающая отсюда потребность возврата к духу посредством нахождения «центра», прохождение через мозаичный лабиринт, сконструированный на полу или на земле, приравнивалось когда-то к символическому путешествию в Святую землю», «в контексте ассоциации с Сатаной лабиринт – знак подсознания, а также потерянности и отдалённости от источника жизни», «лабиринт можно объяснить и как вариант ученичества для неофита, который должен научиться нахождению верного пути, ведущего в потусторонний мир и из страны мёртвых». [4, с.282-284] В любом случае, все эти взаимодополняющие и конфронтирующие интерпретации, разумеется, не могут быть исчерпаны. Доказательством тому служат плодотворные попытки мыслителей и художников XX века использовать метафору лабиринта в своих произведениях как ключевую: «Имя Розы» Умберто Эко (библиотека-лабиринт), «В лабиринте» Алена Роб-Грийе (мир-лабиринт), многие произведения Хосе Луиса Борхеса.

3. Текстуальная реальность: от «Вавилонской библиотеки» к проекту «Гуттенберг».

Наиболее репрезентативной лабиринтозной онтологической «метафорой-схемой», изоморфной WWW, является, по существу, весь текст «Вавилонской библиотеки» Х. Л. Борхеса. Акцентируем внимание лишь на «технично-технологической» стороне дела.

«Вселенная – некоторые называют её Библиотекой – состоит из огромного, возможно бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами, ограждёнными невысокими перилами. Их каждого шестигранника видно два верхних и два нижних этажа – до бесконечности, по пять длинных полок на каждой стене... К одной из свободных сторон примыкает узкий коридор, ведущий в другую галерею, такую же как первая, и как все другие». [3, с.80]

Минимизируя эту сложную структурную метафору гигантского книгохранилища, можно констатировать, что любой из текстов физически достигаем, вопрос лишь во времени и желании его прочесть. Библиотека вечна во времени и бесконечна в пространстве. «Библиотека безгранична и периодична». [3, с.85] Более выразительную метафору, чем «Вавилонская библиотека», для экспликации строения сети Интернет вряд ли можно было бы придумать. Именно такова, по сути, основа сети, где помещены все гипертекстовые документы, «тексты» («книги» в терминологии Борхеса). Существенно лишь одно различие. Если «читатель» Вавилонской библиотеки физически путешествует по Хранилищу текстов, то пребывая в электронной мировой сети лёгким щелчком «мышью» «юзер» «заставляет» любой текст мгновенно предстать перед собой на экране монитора. При этом достигается максимум манипулятивности. Современная библиотека, «равномощная» Вавилонской, известна как «Проект Гуттенберга» – попытка перевода всех существующих текстов в электронный вид существования с помощью цифровых технологий. «Вавилонская библиотека», *Ba(i)b(i)lonteka*, это архетип, алломорфозом которого является электронная библиотека (*e-libraries*), размещённая в Internet.

Сегодня существенно меняется роль, функции, значение и возможности такого социального института, как библиотека. «В настоящее время эффективное информационно-библиотечное обслуживание достигается путём

создания [локальных и транслокальных - Б. В.] электронных библиотек (digital libraries) – систем, реализующих унифицированный подход к производству, хранению и организации разнообразной информации с целью поиска, анализа и доступа к ней с использованием глобальных компьютерных сетей». [5, с.9-10] Конечно, digital libraries, e-Library по объёму информации и скорости её доставки читателю (e-service) может конкурировать с Вавилонской библиотекой. Однако, эстетически-энергетический эквивалент чтения «гуттенберговской эпохи», «перелистывания пожелтевших страниц» древней книги в кожаном тиснённом переплёте, с ароматом знаний «столетней выдержки», обладание книгой, имеющей свою индивидуальную историю, свою духовную «ауру», в Интернет-Библиотеке уже не будет, как не будет и самого феномена чтения-обладания, как то: «библиографическая редкость», «книжный раритет». Останутся лишь так или иначе индексированные, авторизованные архивированные мега- и гигабайты информации, неощутимо-виртуальные HTML – документы. Цифровая конвертация предметов культуры расширяет и упрощает к ним доступ, но ведёт к «ауратической гиперинфляции» артефактов, тиражируя и мультиплицируя их до бесконечности.

Глубинная символическая связь между лабиринтом и библиотекой (существующих в качестве эйдосов культуры) интенсивно обсуждается в качестве референциальных фреймов и постмодернистских аллюзий во многих «сетевых» текстах. В этом смысле достаточно репрезентативен сайт «Libraries and/as Labyrinths» [8]. Создан даже такой синтетический англоязычный неологизм как «The Libyrinth», что не переводимо с английского на другие языки адекватным выражением [8].

Восприятие книги в «эпоху Гуттенберга», как, впрочем, и задолго до неё, предполагало всегда не просто «считывание» информации, но медитативно-эмпатическое погружение в «текст», «чтение между строк», многократное «перечитывание-переписывание», «перекодировка» смыслового поля текста. Немаловажное значение для выявления смыслов имело сенсорное восприятие книги как «вещи», что было в компетенции всего ансамбля пяти органов чувств, и эта работа по «освоению» текста адекватно может быть выражена лишь единственным греческим термином, встречающимся часто у Платона и Аристотеля – *aesthesis*. В эпоху модерна, после изобретения Баумгартеном термина «эстетика» и конституированием эстетики как философской дисциплины, понятие «эстетический» указывало скорее на рационализацию объекта, (произведения искусства) и субъекта (картезианско-кантианского типа), т.е. элиминацию и подмену сенсорного, эстетически-чувственного опыта аналитическим дискурсом.

Классический (до эпохи модерна) *aesthesis*, культивировавший сакрально-ритуализированный культ антикварного благоговения перед Книгой, пребывание в её магической ауре, магическая, эзотерическая атмосфера Библиотеки (Вавилонской, Александрийской, Лондонской, Румянцевской или Библиотеки Конгресса) с наступлением Digital Age завершается, как и сама эпоха Гуттенберга.

1. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Проза разных лет. - М.: Радуга, 1989. - С.86-93.
2. Борхес Х.Л. Everness // Письмена Бога. - М.: Республика, 1994. - С.314-315.
3. Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека // Проза разных лет. - М.: Радуга, 1989. - С.80-85.
4. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.:«REFL-book». - 1994. - С.282-284.
5. Сюнтюренко О.В. Состояние и основные задачи развития научного информационного сообщества в России // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: материалы Всероссийской объединённой конференции. Санкт-Петербург, 20-24 ноября 2000 г. - СПб.; 2000. - С.7-13.
6. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.:«REFL-book». - 1996. - С.197.
7. Bush V. As We May Think // The Atlantic Monthly. Vol.176, №1, July, 1945, P.101-108.
8. Libraries and/as Labyrinths. <http://www.wlu.edu/cmorton/books/library.html>